

18+

Лана Кузьмина

МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК

Сборник рассказов

Лана Кузьмина
Маленький человек.
Сборник рассказов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67243317
ISBN 9785005350961*

Аннотация

Двенадцать рассказов о людях, которые нас окружают. На кровати у окна лежит Марыся и с тоской смотрит на улицу. Впервые после смерти матери пробирается на улицу Вера. Ухаживает за деревенским кладбищем Игорь. Один старик со слезами на глазах отмечает День Победы, другой ходит по электричкам с песней, третий готовится отметить столетний юбилей. Где-то боится выйти из дома Клара, а в арендованном доме девушка находит записки неизвестного. Это их истории.

Содержание

Про Марысю

5

Конец ознакомительного фрагмента.

26

Маленький человек

Сборник рассказов

Лана Кузьмина

© Лана Кузьмина, 2022

ISBN 978-5-0053-5096-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Про Марысю

Отцу плохо давались слова. Они дробились у него на буквы и вылетали изо рта, причудливо преображёнными, потерявшими первоначальное звучание. Когда на него косо смотрели или смеялись втихомолку, Маруся злилась и говорила, что произношение отца – результат полученного на войне ранения. Насколько правдива была эта информация, Маруся не знала. О войне отец никогда не рассказывал, считая, что страшная правда не для детских ушей. Ещё он уверял, что в военных книгах не написано и половины правды, иначе их никто не стал бы читать, настолько кошмарным было бы их содержание. Маруся не успела вырасти при жизни отца. И остались от него лишь смутные воспоминания да приглушённое хрипловатое «Марыся».

Ей следовало бы получше распорядиться собственной жизнью, сказала мама, когда дочь сообщила, что выходит замуж. В девятнадцать-то лет! Но Маруся любила. Сильно, пылко и безоглядно. Он стал её первым мужчиной, и факт этот впечатлительная девушка никак не могла игнорировать. Любовь, как и брак, должен быть один и на всю жизнь, считала она. И не важно, что семейная жизнь начинается в студенческом общежитии, где невозможно сохранить хотя бы иллюзию интимности.

Её избранник Боря Стойков так не считал, предпочитая

помалкивать об оставленной в Софии невесте, которая писала ему длинные, полные тоски письма. От женитьбы на Марусе он уклонялся, объясняя отказ болгарским гражданством, потерей документов и прочей ерундой, в которую безоговорочно верила влюблённая девушка. Свадьбы не приблизило и рождение сына. После окончания института Боря улетел в Болгарию «разбираться с делами» и пропал.

Мама охала: позор на её седую голову! Младшая сестра Аннушка мечтательно вздыхала: несчастная любовь! Как романтично! А старшая Нина, обременённая двумя детьми и мужем, честно назвала Марусю дурой да ещё и набитой.

Маруся поплакала и решила ждать. Через два года Боря решился-таки объявиться, прислав открытку из солнечной Варны. Его измучила совесть, и он решил сообщить, что жив-здоров, счастливо женат и у него всё отлично. Вдруг Маруся решит, что он умер и что-нибудь с собой сделает.

Маруся порвала открытку на мелкие кусочки и решила изменить судьбу. Пошла и поменяла официальную «Марию» на «Марысю». Родным сообщила, что в память об отце. Отчасти так оно и было.

Возможно это польское имя и притянуло к ней Зиновия Шляховского, низкорослого, сутулого с остатками кудрявых волос вокруг лысой макушки. Он трудился на той же фабрике, что и Маруся. Сидел в отделе кадров. При первой встрече трогательно подарил гвоздику на длинной ножке, и Маруся решила: почему бы и нет? Тем более, что мама твердила: му-

жик в доме нужен. Ей – муж, отец – сыну. Нина, родившая третьего, кричала: Хватай! Уведут! А с лица воду не пить, главное, чтоб человек был хороший.

«Она его за трогательность и полюбила», – считала Аннушка, прижимая к сердцу руки. На самом деле Марыся не любила. Она просто уступила тихому Шляховскому, приходившему каждое утро на работу с неизменной гвоздикой в руке. Он смотрел на неё грустными умоляющими глазами, словно выпрашивающий вкусный кусочек кот. Разве ему можно было отказать?

Марысе Зиновий не был противен. Она с удовольствием играла роль заботливой жены, а когда родилась дочь Иришка, и Шляховский рыдал от счастья на пороге роддома, Марыся тоже не выдержала и прослезилась.

Впрочем один грешок за Зиновием водился. Он оказался очень скупым. Да к тому же обожал составлять планы, сводить дебет с кредитом, и потратить без его ведома лишний рубль оказалось совершенно невозможно. Ему бы в бухгалтерии работать – вот бы он развернулся! Зиновий предпочитал не тратить деньги, а откладывать на чёрный день. Он всё видел наперёд и потому уже в самом конце восьмидесятых засобирался на историческую родину. В тот самый момент и разошлись их пути. Марыся была готова жить с нелюбимым, но таким привычным мужем до конца своих дней, но здесь. Ехать в чужую страну, не зная ни языка, ни традиций, ей казалось крахом всей жизни. Ещё и двое детей на ру-

ках!

Сначала Шляховский уговаривал, утверждая, что в Польше у него много родственников, и все они жаждут встречи с его прекрасной женой, что они станут помогать, и Марыся почувствует себя как дома. Потом сдался. Уезжая, оставил бывшей семье трёхкомнатную квартиру и толстую пачку денег, перевязанную красной ленточкой. Марыся прослезилась второй раз. Не таким уж скупым оказался её Зиновий.

Мать даже говорить ничего не стала, махнула рукой и не разговаривала с дочерью целый месяц. А Нина, качавшая на руках пятого ребёнка заявила, что Марыся дура, и не простая, а в квадрате. Мало того, что мужика упустила, так и за границу не уехала. Здесь-то уже всем понятно – развал. Что делать будем? Куда побежим?

Долгое время Марысю мучила мысль о странной закономерности поведения её мужчин. Неужели всем, с кем она решится связать судьбу, рано или поздно суждено уехать в другую страну и пропасть там. Боря Стойков после открытия с курорта не написал больше ни строчки. Шляховский, посылавший несколько лет переводы ей и детям, перебрался во Францию, и след его затерялся. Марысе нравилось думать, что оба они живут счастливо с новыми жёнами и детьми. Она не желала им зла, и прощала то, что они знать ничего не желали каждый о своём ребёнке.

Однажды ночью Марысю пронзила неожиданная мысль, и она растолкала своего любимого (она терпеть не могла сло-

во любовник) Володю Зильбера и напрямую спросила, не собирается ли тот на свою историческую родину, имея в виду Германию. Володя зевнул, почесал переносицу и заявил, что в Израиль не поедет, потому что не выносит жары. Марыся была шокирована. За пять лет плотного общения она не увидела в нём еврея. Володя объяснил, что он не совсем еврей. Его мама русская, а у евреев национальность передаётся от матери. Так что это с какой стороны посмотреть. Впрочем и отец его совсем обрусел. Володя снова зевнул, повернулся на бок и захрапел.

Он был удобным, этот Володя Зильбер. Тихий, покладистый, не очень красивый. Обыкновенный. Никогда ни на чём не настаивал, в любви не признавался, замуж не звал. Довольствовался тем, что имел в данный момент. С ним было уютно, хорошо и спокойно. Жили каждый сам по себе, но всё-таки вместе. Их странный союз, не одобряемый никем из семьи, продержался на удивление долго, целых шестнадцать лет. Закончился он одним ясным весенним днём, когда Володя засмотревшись на что-то, ведомое лишь ему одному, шагнул прямо под колёса грузовика.

Марыся плакала и ругалась на непутёвого Зильбера. Что он там умудрился высмотреть в типовой советской застройке? Что отвлекло его от дороги? И какого чёрта он потащился именно в тот район? Ответов не было, и Марыся злилась. Что толку? Его уже было не вернуть.

После гибели Володи Марыся решила вычеркнуть муж-

чин из своей жизни. Мама вздыхала: «Как же без женщины в доме?», Нина убеждала завести одного «для здоровья», а Аннушка не понимала, как жить без любви. Какая любовь? Ты их любишь, а они тебя бросают – уезжают или шагают под колёса. Сама Аннушка замужем никогда не была, детей у неё нет и уже не будет. Ей ли размышлять о любви? Ей ли советовать, как жизнь строить? Аннушка плакала и говорила, что все злые, что любила она и до сих пор любит. Просто любовь не взаимная. А им откуда знать, что у неё в душе творится?

На самом деле Марыся сестре завидовала. Свободная от обязательств, она не мучилась мыслями о том, на какие деньги прокормить детей, где достать для них одежду подешевле. Она не носится как Нина, высунув язык, по магазинам в поисках очередной акции, высчитывая, в котором из них скидка больше. Счастливая, она могла витать в облаках, вздыхая о любви, которой у неё никогда не было. Только мама, с которой осталась жить Аннушка, ограничивала её свободу, превратившись с возрастом в капризную старуху, требовавшую всё больше внимания.

Жить для себя – истинное наслаждение, считала Марыся. Когда вышла замуж и переехала к мужу Иришка, она вздохнула с облегчением. А когда через год собрался жениться сын Лёнька, заикнувшийся было о том, что приведёт молодую жену к матери, Марыся немедленно разменяла оставшуюся от Шляховского трёшку, подарив молодым однокомнат-

ную квартиру. Сама она переехала на окраину.

Ей говорили, что в сорок лет жизнь только начинается. Через десять лет повторили ту же фразу, но с большим сочувствием. В шестьдесят стали откровенно жалеть. Марыся недоумевала: почему её считают несчастной одинокой старухой? Жизнь приносила ей истинное наслаждение. Тяжёлых болезней Марыся не заработала, а мелких болячек у кого не бывает? Её не расстраивала ни маленькая пенсия, ни жизнь в одиночестве.

По утрам она всегда звонила маме, выслушивая её жалобы на недомогание, высокие цены и неблагодарность Аннушки. Днём звонила Нина, обременённая девятью детьми и двенадцатью внуками. Истории из жизни её отпрысков Марыся слушала вполуха. Не потому, что ей были безразличны собственные родственники. Просто их было так много, а в их жизнях кипели такие страсти, что Марыся каждый раз непременно запутывалась и не могла понять, о ком собственно идёт речь.

Вечером отчитывались сын с дочкой. Исполнив давнее желание матери, они вступили в брак один раз и на всю жизнь. Жили тихо, в чём-то скучно, но Марыся надеялась, что счастливо. Если и случались в их семьях скандалы, то о них ей не докладывали.

Да, Марыся жила одна и одиночеством своим наслаждалась, зная при этом, что существует огромное количество людей, которые непременно придут на помощь, если пона-

добится.

Развлечения у Марыси были, как любила говорить её внучка Вика, «старческие» – походы в магазин да просмотр телевизора. Из-за одного проклятого магазина всё и произошло. Он открылся в начале марта в соседнем доме как раз напротив Марысиного окна. Обычный супермаркет, ничего особенного. На второй день после открытия Марыся сунула туда свой любопытный нос и ушла разочарованная. Ассортимент как в других магазинах, цены тоже. Сунула нос и забыла на долгие полтора года.

Потом как-то забежала за солью и обомлела. Внутри пахло как в старом советском магазине гнилыми овощами и выедающей глаза хлоркой, которой по всей видимости здесь мыли полы. За кассой скучала продавщица неопределённого возраста, вульгарно покрашенная с ярко-зелёными тенями над накладными ресницами. Вторая лениво ползала по залу, со скоростью улитки выставляя товар. На стуле у дверей дремал престарелый охранник, а в центре зала сиял шербоатой улыбкой лопухий парень с изъеденным оспой лицом.

Парень, оказавшийся управляющим магазина, держался важно несмотря на то, что белая рубашка пузырилась на его спине, а на тёмных брюках явственно выступали даже не двойные, а тройные стрелки. «Вовчик», – прочитала Марыся на его бейджике. Не поверила своим глазам, прочитала ещё раз.

– Вовчик! – сказала она вслух и улыбнулась.

– Вовчик – это фамилия, – ничуть не смутившись, пояснил парень. – Имя вот, выше написано – Константин.

Марыся пожала плечами. Имя Вовчик шло ему больше.

На кассе она протянула пачку соли и тысячную купюру. Кассирша закатила глаза:

– Помельче нет что ли?

Марыся покачала головой. С видом вселенского горя Инна (Марыся успела прочитать её имя на бейджике) открыла кассу и отсчитала сдачу из толстой пачки сотенных купюр.

– Совсем обнаглели! – проворчала она. – Возьмут на копейку, а тащат тысячи. Сдачи не напасёшься!

Марыся улыбнулась и поняла, что теперь станет сюда ходить. Решение это она приняла вовсе не потому, что любила создавать себе трудности, а потом героически их преодолевать, как случается порой с некоторыми людьми. Марысе не хватало экстрима. Для кого-то экстрим – это прыжок с парашютом или дикий спуск по опасной горнолыжной трассе. Марысе же просто хотелось разбавить свои пусть счастливые, но такие спокойные будни. К счастью, оказалось, что продукты в магазине свежие, цены не выше, чем в других. А вот овощи и фрукты брать не следовало.

Странно, но Марысе нравилось, когда ей хамили. Только иногда и не слишком грубо. Хамство удивительным образом будоражило душу, встряхивало и приводило в тонус организм, а лощёных вечно улыбающихся вежливых продавцов Марыся терпеть не могла. Даже щербатая улыбка Вовчика

выглядела в этих стенах издевательской насмешкой, а не желанием угодить клиентке и потому особенно согревала.

Марыся ходила в магазин уже два года. За это время убрали пожилого вечно сонного охранника, и на его место пришли меняющие друг друга со скоростью света молодые парни. С такой же скоростью менялись и продавщицы, все как на подбор медленные и унылые. Если и появлялась в магазине весёлая активная девушка, то через пару недель и она превращалась в серое безликое существо, словно работа вытягивала из неё жизненные силы. Неизменным оставался скалящий зубы Вовчик (Марыся решила, что это не улыбка во все, а особенное строение черепа) и Инна, пугающая покупателей диким макияжем и длинными кроваво-красными ногтями.

Как-то раз зимой Марыся встретила её на улице. Незнакомый мужчина, по возрасту он мог быть и отцом, и мужем, тащил Инну за руку и безостановочно матерился. Какими только словами он не награждал бедную девушку! А она позволяла себя тащить, и на лице её застыла равнодушная маска. Марыся бросилась бежать через дорогу, но пока она перебралась через сугробы, Инна и её мучитель исчезли. На следующий день в магазине Марыся улыбнулась девушке:

– Всё будет хорошо, – сказала она.

Инна уставилась на неё непонимающим взглядом. Марыся заметила на скуле проступающий сквозь толстый слой пудры синяк.

Вовчик попалался на улице чаще. Стоял вечером на автобусной остановке. Пару раз со скромным букетиком в руках. «Девушку ждёт», – улыбалась Марыся. Однажды припозднилась и увидела, как из подъехавшего автобуса вышла женщина лет пятидесяти, сильно хромавшая на левую ногу.

– Как ты сегодня, мамочка? Всё хорошо? – спросил Вовчик. Женщина неразборчиво ответила. Он взял её за руку, и они медленно побрели вдоль улицы.

Одной из Марысиных утешительниц стала Алла, соседка с четвёртого этажа. То, что утешать Марысю не нужно, она не подозревала. Заявилась на второй день после переезда и сказала, что ничего страшного не произошло, и Марыся всегда может на неё рассчитывать. Ничего и правда не случилось. Всего лишь размен квартиры.

– Я понимаю, – твердила Алла. – Тяжело сниматься с насиженного места.

Не тяжело. Марыся никогда не цеплялась за вещи, пусть даже такие важные, как собственное жильё. Главное, чтобы оно было. В конце-концов не в Магадан же она переехала. Хотя и в Магадане люди живут, и за полярным кругом. Марыся как-то видела сюжет про Диксон, самый северный российский посёлок. И там тоже живут люди.

– Раньше в одном доме несколько поколений жили, – не унималась Алла. – Сейчас что? Отселили мать подальше и радуются. Не расстраивайся! Я тебя не брошу!

Марыся не расстраивалась, понимая, что с этого самого

момента обречена на Аллину заботу. Объяснить ей что-то было невозможно. Существовало только два мнения – Аллы и неправильное. Соседку переполняло стремление к добрым делам, и в стремлении этом она не знала меры.

Как то раз вместе она отправилась в магазин вместе с Марысей, чтобы помочь донести тяжёлые сумки. То что сумки не тяжёлые, а сама она старше новой подруги почти на десять лет, Аллу не смутило.

– Какое ужасное место! – поморщилась она, зайдя внутрь.

В следующий раз Алла принесла кусок цемента и сунула его в лицо Вовчика.

– Что это? – не понял парень.

– Это часть ваших раздолбанных ступенек, – издевательски произнесла Алла. – Вы что творите? Хотите, чтобы кто-нибудь лоб расшиб?

Вовчик раздражённо отодвинул от себя кусок:

– А вы побольше ковыряйте эти ступеньки, тогда точно развалятся!

Алла бросила кусок на пол, едва не задев ноги Вовчика и гордо вздёрнув подбородок, вышла.

– Ничего, – прошептала она Марысе. – Я уже в Роспотребнадзор написала и в прокуратуру. Скоро забегают.

– В прокуратуру-то зачем? – не поняла Марыся.

– Для остратки!

Ступеньки всё-таки починили. Примерно через полгода. Только Алла не имела к этому никакого отношения.

– Испугались! – решила она, пребывая в счастливом неведении о своём неучастии в деле. – Красота!

Насчёт красоты Марыся сомневалась. Слишком гладкая и блестящая поверхность уложенной на ступеньки плитки внушало опасения. В самом деле, как только наступила осень, и пошли первые дожди, на ступеньки стало невозможно ступить, их поверхность превратилась в настоящий коток. Зимой ситуация ухудшилась.

Марыся удивлялась тому, как ловко приспособились к неудобствам сотрудники магазина. Инна порхала словно бабочка на своих тонких металлических шпильках, а Вовчик буквально взлетал по ступенькам, балансируя на их рёбрах словно эквилибрист.

Покупатели подобной техникой не владели, потому часто поскользнулись и даже падали. Марысе досталось больше всех. Впрочем, сама виновата. Загляделась на редкое декабрьское солнце, задрала голову, нога и поехала. Вместе с ней поехала и сама Марыся. Упала навзничь, приложившись головой о ступеньку. Повернула голову набок, а у дверей стоят Вовчик, Инна со своим вечно равнодушным лицом, ещё какие-то люди. Вовчик звонит по телефону, а другой рукой стучит по стеклянной двери. Марыся пытается сосредоточиться, буквы пляшут у неё перед глазами, складываясь в фразу «Осторожно, скользкие ступеньки!»

Значит сама виновата, не была осторожной. Марысе захотелось помахать собравшимся рукой, но рука почему-то

не слушалась. «Так и умру на ступеньках! Как нелепо!» – подумала она и потеряла сознание.

– Ты что с ума сошла! – кричала Нина. – Рука, нога, сотрясение мозга! Да ещё трещина в тазу! Ты как умудрилась! На ровном месте! Инвалидом остаться хочешь?

Марыся отодвинула телефон от уха, вздохнула, потом спокойно сказала:

– Успокойся, Нин! У тебя же давление. А я, веришь ли, не нарочно.

– Дура ты набитая! – всхлипнула сестра. – Я же о тебе беспокоюсь.

Алла тоже кричала, что засудит и этот дурацкий магазин, и этих сотрудников безмозглых с идиотской улыбочкой, имея в виду конечно же Вовчика. Марыся судиться не хотела. Время, деньги и нервы трётся. А что в итоге? Хорошо, если что-то заплатят. Только зачем? Как будто деньги время назад отмотают.

– Бессребреница, – обижалась Алла. – Дело не в деньгах, а в справедливости.

Но Марыся знала, что никакой справедливости нет. Чем больше за неё борешься, тем больше всё запутывается. Хотела Алла новые ступеньки – получила. Кому от этого лучше стало? А?

Уже неделю Марыся лежала дома. Её кровать подвинули к окну, и она могла дни напролёт наблюдать за магазином и злосчастными ступеньками. Как она и предполагала, бро-

шенной она не оказалась. Регулярно приезжали дети и внуки, крутилась рядом Алла со своей по большей части лишней помощью. Только Нина с мамой остались в стороне. Нину привязывало к дому многочисленное семейство, маму – не менее многочисленные болезни.

Чаще всего у Марыси бывала Аннушка. Она бы и вовсе поселилась с сестрой, но оставить маму одну она не могла. Аннушка работала на дому бухгалтером, и своим временем распорядилась достаточно свободно. Ей было пятьдесят пять, но из-за стройной фигуры и длинной ниже пояса косы издавна её часто принимали за молодую девушку. И только взглянув в лицо, обнаруживали свою ошибку. Аннушка никогда не красилась, носила узкие джинсы и обтягивающие бюст кофточки. Нина считала её наряды вульгарными. Тем более они так и не смогли привлечь ни одного мужчину.

Марыся думала, что у Аннушки аутизм. Она видела передачу про таких людей. Они тоже всегда молчат, не любят чужих людей и смену обстановки. А ещё могут подолгу сидеть за скучной однообразной работой.

– И как с этим сочетаются её наряды? – засомневалась Иришка, когда мать решила поделиться с ней своими подозрениями.

Марыся не знала, что ответить. В конце-концов одежда у Аннушки пусть облегающая, но со всех сторон закрытая, а это что-нибудь да значит.

Марыся ошибалась насчёт сестры. Она не была аути-

стом. И старой девой не была. Просто не любила говорить о личном. Марыся очень бы удивилась, узнав, что Аннушка не только читает, но и ходит раз в неделю в библиотеку на встречи литературного клуба. Если бы ей удалось подсмотреть за сестрой, то она бы увидела, с каким жаром та защищает книгу любимого автора, спорит и очень много говорит. Может быть, тогда Марыся бы поняла, что молчит Аннушка по одной причине – у них просто нет общих тем для разговора.

Тишина как испытание проверяет тебя. Сломался телевизор. Сын хотел купить новый, Марыся сказала не надо, я хочу послушать себя. Послушала и ужаснулась, потому что себя не нашла. Кто она такая Марыся Шляховская? Женщина, мать, пенсионерка. Всё верно. Но что отличает её от других?

Не стало вечно бубнящего телевизора, и жизнь словно остановилась. Марыся с ужасом поняла, что у неё нет никаких увлечений, что она не читает книг, не вяжет, не вышивает, не шьёт и не рисует. И много других всяких «не», которые могли бы раскрасить её жизнь. Она даже кроссвордов не гадает. Просто лежит, ест и пьёт, глядя в окно, как по пять раз на день топчется у входа в магазин Вовчик. Топчется из принципа в любую погоду. Курящим же положены перекуры, а он некурящий не обязан работать дольше. Вот и выходит на улицу, как бы курит.

Марыся вспомнила, как смотрела передачу про старческое слабоумие и болезнь Альцгеймера. Врач рассказывал,

что люди не тренирующие мозг более подвержены этой болезни. Она в группе риска да ещё и головой ударилась. Амёба бескостная!

Попросила Аннушку принести ей книг. Та обрадовалась, натащила целую стопку. Марыся увлеклась рассказами. Читать длинные произведения утомительно, а рассказы на нескольких страницах рассказывают целые истории. Читала всё – и классику, и современность, и даже фантастику. Аннушка пыталась увлечь сестру поэзией – не срослось.

Когда чтение надоедало, Марыся откладывала книгу и думала. О том, что поменяла бы в своей жизни, если бы могла вернуться назад. Ничего. Только со ступенек постаралась бы не упасть. Вспомнился Володя Зильбер, хороший человек, спокойный. Никому зла не сделал, а удержаться от злого поступка по нынешней жизни сложнее, чем совершить добрый. Что он увидел перед тем, как шагнуть на проезжую часть? Быть может, то же солнце, на которое загляделась Марыся. Дурочка! Солнце конечно же то же самое! Ведь оно одно!

Лежать было скучно. Впервые в жизни Марыся поняла, как ей не хватает привычного движения. Внутри бушевала энергия, которую невозможно потратить. Она тикала словно бомба, и Марыся не находила себе места. Проснувшись однажды ночью, она едва не вскочила с кровати, чтобы выбежать на улицу, так ей не хватало элементарной активности. Стены душили, потолок грозил рухнуть. Марысю охватила паника. Только к утру удалось забыться прерывистым бес-

покойным сном.

Каждый день забегала Алла и каждый день твердила про то, что нужно что-то делать, не сидеть на месте, не ждать у моря погоды и не опускать руки. Она забегала возбуждённая очередным «проектом», как она называла решаемые ей проблемы. Именно так, через «э». рассказывала, объясняла, в какую организацию побежит на этот раз, какие заявления напишет. Пожалуется на тех, кто её прогнал и убежит, оставив Марысю в тоске по утраченной возможности передвижения. Сын в очередной раз предложил привезти новый телевизор. Марыся отказалась. Познавать себя больно и страшно, но нужно. А самопознание любит тишину.

Она уже почти оправилась от полученных травм, когда мама в очередном разговоре вдруг упомянула какого-то Серёжу. Упомянула зло, раздражённо. Марыся сидела у окна, отдыхая после недолгой прогулки – бегать как прежде ей ещё не скоро придётся – и занималась самобичеванием. Стоило полежать в тишине несколько месяцев, как внутри обнаружилась пустота, холодная и мерзкая. Жила ведь как-то раньше, не замечала, смеялась всегда. Всех любила, и Борю Стойкова и Шляховского, будь они не ладны! До сих пор любила, не как мужчин, а так по-человечески. Володю, само собой, тоже.

Дочка сказала: «Депрессия». Сказала, что так бывает. У неё тоже было, после гриппа. А это ведь не грипп, это дольше продлится. Пройдёт рано или поздно. Алла говорила, что

нельзя сидеть, надо двигаться. Куда? Ничего не хочется.

И вот мама сказала про Серёжу. Сказала, чтобы Аннушка к нему катилась, и плевать, что мать помирает. На следующий день, когда сестра заскочила её проведать, Марыся устроила Аннушке допрос с пристрастием. Что за Серёжа и почему она должна к нему катиться?

Сестра долго мялась, краснела, а потом призналась, что любит Серёжу, а он её. Мама против, потому что Серёжа младше на пятнадцать лет. Но это ничего не значит. Вместе они быть не могут, вот и бегают тайно друг к другу. Точнее это она к нему бежит. Мама ругается.

При всей серьёзности ситуации Марысе захотелось рассмеяться. Представьте себе женщину предпенсионного возраста, которая боится мамы. А потом Аннушка расплакалась, и смеяться захотелось.

– Мне же так хочется побыть счастливой. Пусть немного, пусть чуть-чуть, – всхлипывала она. – Но как я оставлю маму? Она же не сможет одна, она с ума сойдёт. Нет, она не держит, но у неё сердце больное. Кто станет за ней ухаживать? Кому она нужна кроме меня?

– Мне нужна, – твёрдо сказала Марыся. – И Нине.

– Ты меня прости, – Аннушка опустила голову, – но ты с ней уже лет десять не виделась, только по телефону говоришь. И Нина тоже...

– Я никогда не была счастлива по-настоящему, – продолжала сестра. – Я всю жизнь прожила в ожидании счастья, ду-

мала, что впереди ещё много всего. И вот я старуха, а счастья как не было, так и нет.

– Тоже мне старуха! – с досадой сказала Марыся. Ей в голову пришла неожиданная мысль о том, что она-то счастливой была всегда. Плакала только когда отец умер, и Володя погиб, но и тогда быстро в себя пришла, долго не убивалась. Бесчувственная? Нет. Просто душа такая лёгкая, всё плохое быстро забывает.

Не старь себя раньше времени! – приказала она. – Езжай к своему Серёже, а к маме я перееду.

Она и сама до конца не понимала, зачем предложила Аннушке идею с переездом. Спросила только, как фамилия её Серёжи. Услышав в ответ «Потапов», облегчённо вздохнула: «Хорошая фамилия, русская. Никуда не уедет».

Только вспомнился отчего-то мёрзнувший на остановке Вовчик с букетиком в руках и его тихое: «Как ты сегодня, мамочка?» Свою маму Марыся не видела больше десяти лет. И Нину почти не видела, а Аннушка появилась в её жизни только после падения. Детей с внуками редко навещает, любит одиночество. На самом деле любит. Просто кажется, что никто никуда не денется, ни через год, ни через десять, что будут они всегда, что всегда успеешь.

Марыся отправилась в магазин. Там в зале рыдала Инна. Ненакрашенная не похожая на саму себя, она не раскладывала, почти швыряла товар на полку.

– Что случилось? – спросила Марыся, думая, что её опять

кто-то избил.

Инна пнула стоявшую на полу коробку и убежала в подсобку.

– У неё отец умер, – объяснила другая продавщица Юля. – Подрался с кем-то, а его убили. Он над ней, знаете как издевался? Бил, а она ревет дура. Радоваться надо.

– Отец всё-таки, – вздохнул Вовчик. – У меня отца никогда не было. Мама за двоих была. Она у меня замечательная.

– Уж лучше никакого, чем такой. А мама твоя могла бы и получше сыну брюки гладить. Гляди, какие у тебя стрелки интересные!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.